

УДК 82.0+821.512.157

ББК 83.3(=634) + 82.3(=634)

СОЦРЕАЛИЗМ МЛАДОПИСЬМЕННЫХ ЛИТЕРАТУР (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА С.П. ДАНИЛОВА «ПОКА БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ»)

© 2020 г. Е.А. Литвин, С.С. Макаров

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

Институт мировой литературы

им. А.М. Горького Российской академии наук,

Москва, Россия

Дата поступления статьи: 01 ноября 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-228-247

Аннотация: Статья рассматривает роман якутского автора С.П. Данилова как пример «периферийного» советского текста, объединяющего в себе характерные черты соцреалистического романа, литературы периода оттепели и этнопоэтики. Влияние якутской литературы и фольклора заметно на лексическом, жанрово-повествовательном и сюжетном уровнях. Текст романа двуязычен и содержит включения традиционной идиоматики, паремий, этнографических реалий и мифологических мотивов. В романе неоднократно упоминаются такие персонажи якутской культуры, как шаман и сказитель-олонхосут. Соотношение локальной и глобальной истории в тексте анализируется сквозь призму коммуникации двух народов — якутского и русского. В статье проводится тезис о том, что пространство сельской школы описано как место встречи двух культур. Учителя гуманитарных предметов (литературы, русского языка, истории) представлены в романе как культурные медиаторы, обеспечивающие сельским детям при посредстве русского языка доступ к мировой культуре.

Ключевые слова: литература оттепели, якутская литература, Софрон Данилов, история литературы, соцреализм, советская литература, якутский фольклор, олонхо.

Информация об авторах: Евгения Александровна Литвин — старший преподаватель, ШАГИ ИОН Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, 119571 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-4647-4346

E-mail: evgenya.litvin@gmail.com

Семен Семенович Макаров — научный сотрудник, Институт мировой литературы им.

А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069

г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-5751-5967

E-mail: others3@mail.ru

Для цитирования: Литвин Е.А., Макаров С.С. Соцреализм младописьменных литератур (на примере романа С.П. Данилова «Пока бьется сердце») // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 228–247. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-228-247

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

SOCIALIST REALISM OF THE NEWLY WRITTEN LITERATURES (THE CASE OF SOFRON DANILOV'S NOVEL *WHILE THE HEART IS BEATING*)

© 2020. E.A. Litvin, S.S. Makarov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

A.M. Gorky Institute of World Literature

of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: November 01, 2019

Date of publication: March 25, 2020

Abstract: The article examines the novel of the Yakut author Sofron P. Danilov as an example of a peripheral Soviet literary text. The novel combines the features of the socialist realistic novel, the Thaw period literature, and ethnopoetics. The elements of the Yakut culture are evident at lexical, genre, narrative, and plot levels. The novel is bilingual and contains traditional idioms, paremias, ethnographic realia, and mythological motives. The influence of the Yakut epic on its narrative structure can be seen in the use of certain syntactic constructions and detailed descriptions of characters and objects. Moreover, the novel contains numerous references to such characters of the Yakut culture as shaman and the epic singer — olonkhosut. One more focus of the article is the correlation of local and global history in the novel and the communication between two nations: Yakut and Russian. A rural school is described as a meeting place for two cultures. The novel presents teachers of humanitarian subjects (literature, history etc.) as cultural mediators providing rural children with access to world culture that becomes possible with the aid of Russian language.

Keywords: Thaw period literature, Yakut literature, Sofron Danilov, history of literature, socialist realism, Soviet literature, Yakut folklore, Olonkho.

Information about the authors: Evgeniya A. Litvin — Lecturer, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadskogo pr. 82, St. 1, 119571 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0002-4647-4346

E-mail: evgenya.litvin@gmail.com

Semen S. Makarov — Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: 0000-0002-5751-5967

E-mail: others3@mail.ru

For citation: Litvin E.A., Makarov S.S. Socialist Realism of the Newly Written Literatures (The Case of Sofron Danilov's Novel *While the Heart Is Beating*). *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 1, pp. 228–247. (In Russ.)
DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-228-247

Литературное творчество в различных периферийных областях России и стран бывшего Советского Союза в XX в. нередко испытывало влияние процессов, которые в 1964 г. были сформулированы Г.Д. Гачевым в рамках концепции «ускоренного развития литератур» [6]. Эта концепция подразумевала возможность создания за короткое время соцреалистической литературы по единым для всего пространства страны канонам. При этом некоторые этапы развития могли быть сильно редуцированы с целью ускорения этого процесса¹.

Особенно это касалось языков, не обладавших значительной досоветской литературной традицией и получивших письменность относительно недавно — так называемых младо- и новописьменных (подробнее об использовании обоих терминов см.: [17]). Поскольку финальной стадией развития литературы, к которому следовало поскорее перейти, считался соцреалистический роман, то в литературах на малых языках, формировавшихся на территории СССР, крупная проза возникала на довольно ранних этапах их развития.

В других случаях, когда на литературный процесс не оказывалось столь сильное влияние государства, как в Советском Союзе, чаще всего сперва возникала поэзия. Проза формировалась лишь на более поздней стадии развития литературного языка, и переход к ней происходил не во

¹ «Когда мы обращаемся к совершающемуся ныне, например у якутов, переходу от патриархально-родового строя и фольклорно-религиозного мышления к социалистическому производству и общежитию и к современной образованности и культуре, — на наших глазах, в лабораторных условиях, доступно экспериментальному наблюдению, сжато воспроизводятся многие моменты пути и тенденции всемирно-исторического развития человечества. Ускоренное развитие есть его стяжение» [6, с. 7].

всех литературных традициях [26, с. 33–40]. В типологической перспективе советские литературы поэтому представляют особый интерес.

Устройство соцреалистического романа изучено уже довольно подробно, однако его исследователи опирались, как правило, на материал русскоязычных текстов [9; 11]. Вопросы о том, насколько сильно отличались тексты на национальных языках от русскоязычных романов, насколько успешно проходило «литературное строительство»² в различных регионах, в чем состоят сходства и различия текстов на разных малых языках Советского Союза, еще ждут своего исследователя.

В последние годы активно ведутся поиски новых исследовательских оптик, подходящих для изучения таких литературных традиций. В частности, группой российских исследователей был опубликован ряд статей, посвященных различным теоретическим аспектам развития младописьменных литератур Севера и Сибири и рассматривающих их как часть единого процесса советского литературного строительства [17]. Другим способом осмысления национальных литератур может стать постколониальная оптика [19].

Подход, используемый нами, сам по себе не нов: он предлагает рассмотрение текста миноритарной литературы (в данном случае — якутской) с перспективы, выработанной отечественной фольклористикой и использовавшейся уже теоретиками концепции «ускоренного развития литератур» [16, с. 127–128]. Вслед за Е.М. Мелетинским [13, с. 5; 16, с. 62] мы будем считать, что у текста, написанного на языке с относительно молодой литературной традицией, есть два основных источника: локальный фольклор и «большая» литература. Таким образом, художественные тексты младописьменных литератур могут быть рассмотрены как сочетание жанровых и поэтических элементов, присущих автохтонной фольклорной традиции, с законами композиции текста и выстраивания сюжетных линий, которые предполагала система написания соцреалистических произведений.

Здесь тем не менее заключается один нюанс: литература, которой предстояло пройти путь «ускоренного развития», занимала догоняющую позицию по отношению к «большой» литературе. Иными словами, опе-

2 Мы используем этот термин по аналогии с термином «языковое строительство». Существует немало работ, посвященных языковому строительству в СССР, однако сведения о развитии литературы на этих языках в них практически отсутствуют [1; 3; 5; 10; 25; 27].

рируя терминологией Франко Моретти, если литература «периферии» хронологически отставала от «центра», то любые новые стилистические и жанровые веяния отражались в ее текстах с опозданием и в несколько трансформированном виде [14, с. 181].

Поскольку предметом нашего внимания в данной статье является роман, написанный якутским автором в 1960-е гг., можно предположить, что он будет содержать в себе черты, характерные как для современной ему литературы оттепели, так и для предыдущих десятилетий.

Мы рассмотрим роман якутского писателя С.П. Данилова «Пока бьется сердце» (1964) и на примере этого текста постараемся сформулировать, каким образом в произведении национальной литературы (сперва написанном на якутском, а затем переведенном на русский язык) переплетаются заимствования из якутского фольклора, общие принципы построения социалистического романа и влияние литературы оттепели.

При этом нас в наибольшей степени будет интересовать, как в романе реализуется сочетание «локального» и «глобального» на разных уровнях:

- лингвистическом (текст двуязычен: якутское издание содержит отдельные слова на русском языке, и наоборот),
- жанрово-повествовательном (социалистический канон и этнопоэтика),
- сюжетном (дружба якутов и русских, поездки в Москву, обсуждение русской литературы в якутской школе и т. д.).

Как будет показано в заключительной части работы, локусом, объединяющим все эти планы, является школа. Это не случайно, поскольку в якутской деревне именно школа оказывалась местом соприкосновения двух культур. Как именно этот процесс реализуется в романе, и будет проанализировано ниже.

История создания романа и его место в якутской литературе

Автор романа «Пока бьется сердце», Софрон Петрович Данилов (1922–1993), известен как создатель крупной прозы, повестей и рассказов. Он также переводил произведения русской литературы на якутский язык.

Роман писался в два этапа: идея и первоначальные наброски были сделаны, когда автор учился в Якутском педагогическом училище в 1950–

1951 гг. и затем дописан в 1962–1966 гг. Первоначально он выходил в журнальном варианте на страницах журнала «Хотугу сулус» (Полярная звезда). Текст приобрел такую популярность, что в ходе публикации романа тираж журнала вырос в несколько раз [14].

Первое издание вышло отдельной книгой на якутском языке в 1967 г., однако еще раньше он был переведен на русский язык В. Литвиновым³ и опубликован в 1971 г. [7].

Текст описывает будни учителя Сергея Аласова, якута по происхождению, который после примерно двадцати лет, проведенных в крупных городах, возвращается на малую родину и устраивается работать в сельскую школу, в которой учился он сам и где теперь работают две его одноклассницы. Любовные линии сюжета переплетаются в романе с дискуссиями на темы образования и морально-этических норм.

Рассматривая данное произведение в контексте истории якутской литературы, в своей докторской диссертации В.Б. Огорокова отмечает, что Аласов, как герой эпоса, в одиночку борется за общественный прогресс против всего отсталого и консервативного [16, с. 63–64, 106–107]. Его исключительность дублируется на лексическом уровне⁴ и подтверждается на уровне сюжетном: в него влюбляется множество женщин, при этом он выступает как моральный ориентир и не пользуется ничьей слабостью [16, с. 107].

Роман считается первым образцом социально-психологической прозы на якутском языке и важной вехой в развитии якутской литера-

3 В 1971 г. перевод романа на русский язык одновременно вышел в Якутском книжном издательстве и в издательстве «Современник» в Москве. Названия этих изданий несколько различаются: «Пока бьется сердце» / «Бьется сердце». Незначительные отличия содержат и сами тексты переводов. В статье мы приводим цитаты из второго (московского) издания. В то же время, следуя сложившейся академической традиции изучения романа, мы используем первый вариант его русского названия. Обращает внимание, что текст перевода короче оригинала: если якутский текст романа занимает 682 с. [8], то перевод — всего лишь 351 с. [7]. Как кажется, эта особенность отражает общую тенденцию для переводных якутских романов советского периода (ср. оригинал и перевод романа Н. Якутского «Судьба» (1947–1952 гг., пер. — 1976 г.) — 776 и 584 с. [22; 23], романа А. Сыромятниковой «Кыыс-Хотун» (1970 г., пер. — 1981 г.) — 540 и 296 с. соответственно [20; 21]).

4 Фамилия героя этимологически связана со словом *алаас*, обозначающим типичный для Якутии элемент рельефа — своего рода поляну в тайге. В алаасах селились якутские семьи. Это понятие занимает важное место в национальной картине мира, являясь синонимом малой родины.

туры [16, с. 38–39]. Однако психологизм в большей степени проявляется в описаниях не самого Аласова, а женских персонажей, через внутренние монологи которых передается их психологическое состояние [16, с. 63–64].

Произведение Данилова сочетает в себе черты литературы соцреализма (выбор жанра романа, тема войны, героизация работы в колхозах и коммунистического воспитания, дидактичность) и литературы оттепели (внимание к частной жизни, к повседневности, к внутреннему миру персонажей и сентиментальным проявлениям их характеров, разработанность любовных линий).

Фольклорные черты в романе

Говоря о фольклоре как об одном из важных источников младописьменной литературы, важно различать те случаи, в которых автор использует повествовательные, сюжетные и стилистические элементы, характерные для локального фольклора, в силу того, что они хорошо ему известны и привычны, и намеренной «фольклоризацией» текста, в который вставляются этнографические описания, фрагменты фольклорных текстов или локальные мифологические мотивы. Применительно к повествовательным элементам, относимым к первой группе, мы не всегда с уверенностью можем различить, насколько осознанно автор включает их в свой текст, в то время как в случае второй группы это более очевидно.

К первой группе можно отнести:

- специфическую идиоматику, используемую при характеристике персонажей (например, выражение *сымара таас* — «каменная глыба», т. е. «неумолимый», «твердый», — описывающее начальника отдела народного образования Платонова [8, с. 497]);

- использование традиционной образности (сравнение Аласова с лиственницей, распространенным в якутском песенном и эпическом фольклоре символом маскулинного начала [16, с. 300], или упоминание злорадной ухмылки при помощи глагола *ыманнаа*, как признака отрицательного персонажа [16, с. 42, 176, 602, 619]);

- использование параллельных конструкций, типичных для устных повествований, в описательных сценах романа («Глаза Сергея имеют

обыкновение беспрестанно излучать свет, днем разбивая лучи солнечного света, а вечером отражая отблески света лампы»⁵.

Вторую группу, в свою очередь, можно разделить на несколько типов:

- пословицы⁶;
- этнографические описания (обычай вешать ленты на объекты поклонения или устройство традиционного жилища)⁷;
- мифологические мотивы⁸;
- упоминания специалистов, типичных для якутской традиционной культуры. Важными для романа являются фигуры шамана и олонхосута. Первый из них оценивается однозначно негативно, второй, напротив, позитивно. Разница между ними состоит в том, что шаман противопоставляется современному советскому обществу и описывается как агрессивно противостоящий прогрессу пережиток прошлого⁹, а олонхосут в него инте-

5 «Сергей хараба күнүһүн күн сарданатын оонньотон, киэһээтин лаампа чабылын тэйитэн, чабылынны сылдыар идэлээх» [8, с. 310] — пер. С. Макарова.

6 «Ничего! Еще и рыбка наша взиграет, и солнышко наше взойдет! — подумал Аласов словами старой якутской пословицы. — Сегодня такой день, что любая печаль — не печаль» [7, с. 69]; «Замерз мой Кымов, едва губами шевелит, как говорится, пегого жеребенка родил» [7, с. 118].

7 «Несведущий человек подивится: на ветвях старого дерева висят выгоревшие, иссеченные ветром лоскутки, ленточки, качается на ветру длинный волос из конского хвоста. Это обычай такой, доброе человеческое «спасибо» одинокому дереву: за приют, за свежесть и тень в жаркий полдень» [7, с. 41].

«При чем тут коровник? — спросит сегодня какой-нибудь паренек или девочка. А при том, дорогой друг, что родители твои, по обыкновению, ставили юрту и коровник под одной крышей, иными словами, жили вместе со скотом. Отделение юрт от хотонов было звеном, за которое тогда тащили весь новый быт. И не надо сегодня усмехаться: подумаешь, какая высокая жизненная задача — отделение юрт от хотонов! Для Левина, для первых сельских комсомольцев не было цели возвышенней: не пожалеем себя, но отделим юрты от хотонов!» [7, с. 63].

8 Мотив возникновения земли из водного хаоса: «По рассказам стариков, давным-давно, когда ни тебя, ни меня не было и в помине, весь этот алаас представлял собой гигантское озеро, разве что в середине виднелся островком этот курган, поросший тальником. Отсюда и название — Арыылаах [букв. 'обладающий островом']» [8, с. 20] (пер. С. Макарова). Представление о трех мирах: «— Знаешь, о чем мне сейчас подумалось? — но то, что подумалось, он рассказать не посмел, переиначил. — Посреди беспредельного мира стоит одна-единственная юрта, горит в ней печь и два человека у огня. Даже озноб по спине... — Не пугайся, Сереженька! — сказала Майя, поняв его по-своему. — В этом среднем мире с тобой рядом у огня сидит еще три миллиарда с лишним тебе подобных...» [7, с. 160].

9 «Сейчас это просто смешной пережиток, а тогда суеверия, власть шамана над людскими душами — все было такой дьявольской проблемой, даже не вообразите себе» [7, с. 116].

грируется¹⁰. Традиционная героика органично перетекает в героику социалистическую. Персонажи рассказывают о выдающихся людях прошлого¹¹. Локальные герои (основатель школы, русский учитель Левин, первый председатель колхоза старец Лука, один из первых коммунистов Кымов) противопоставляются абстрактным и малопонятным героям древности, таким, как Галилей [8, с. 232]. Персонажам романа их современность кажется не очень героичной, однако они стараются находить подвиг в кажущихся незначительными повседневных делах¹². Поэтому после смерти Левина, открывшего первую школу в селе, его заслуги считают достойными эпической песни олонхосута:

Спой, олонхосут, о Левине, о многих Левиных — отважных русских людях. Вечная им слава и великий, от всего сердца якутский махтал. На заре новой жизни свой Левин стоял рядом с молодым якутом-учителем. Свой Левин следил за первой операцией якута-хирурга. Свой Левин помогал сделать первый шаг якуту-архитектору и якуту-драматургу... [7, с. 297–298].

Взаимодействие языков в тексте романа

На лексическом уровне двуязычие романа несколько по-разному реализуется в его якутской и русской версиях. В якутском тексте можно найти кальки с русского языка: канцеляризмы («понесет ответственность» / *эппи-*

10 Олонхосутов и правда пытались интегрировать в советское общество. Подробнее об этом см.: [18].

11 «Федор Баглаевич <...> охотно пускается в рассуждения о прошлых днях, когда в Якутии водились борцы, которые сворачивали шею трехгодовалому быку, бегуны, обгонявшие летящую утку, удивительные по своей дерзости таежные разбойники» [7, с. 19].

12 «— Героические подвиги, необыкновенные люди... Под пытками молчали. На снегу спали. Без воды и без пищи, как в Сасыл-Сысы... Умом понимаю, но представить себе не могу — как возможно такое! Человек ранен... Сегодня бы с такой раной два месяца в больнице, да месяц по бюллетеню, да на курорт... А тогда перебинтовался человек кое-как — и снова в бой. Из железа он, что ли? Я вот палец приморожу — и в слезы... Без еды, наверно, и дня не выпрела бы.

Некоторое время они сидели неподвижно, слушали, как потрескивают дрова.

— Конечно, Майечка, не просто все это. Сегодняшняя молодежь с удивлением смотрит на сверстников Чапаева. А пройдут годы, и, может, вот на нашу дорогую Саргылану Тарасовну молодежь молиться будет — она ведь, скажут, из невероятного поколения: атом, космос, целина, великие стройки... Саргылана в некоем роде с юных лет героическая личность — из столичного института добровольно уехала в нашу глушь. Как ее будут называть те, что за ней следом пойдут? Орлицей! [7, с. 107].

эти сугурэз [8, с. 564]), идиомы русского языка, переведенные на якутский язык («розовые очки» / *тэтэркэй ачыкы* [8, с. 496], «на пороге смерти» / *өлүү модьобото* [8, с. 329]).

К русскоязычным вставкам можно отнести цитаты из русской литературы (о них подробнее будет сказано ниже), а также слова русского языка, отражающие особенности разговорной речи якутов того времени (например, русское «да» в диалогах на якутском) и развитие якутского литературного языка (заимствованные из русского термины «кино», «чувство», «Якутскаяй» («Якутск»), вместо принятых сейчас «киинэ», «ис турук», «Дьокуускай» соответственно).

Количество иноязычной лексики в русском издании сильно вырастает по сравнению с якутским: текст даже сопровождается якутско-русским словарем. Перечислим наиболее значимые ее функции. Якутскими словами называются этнографические реалии (элементы одежды, утвари, традиционные блюда и продукты питания)¹³. Некоторые из них отсутствуют в якутской версии. В ней отсутствует и упоминание сказочного персонажа *Мэник Мэнигийээнэ*¹⁴. Можно предположить, что в русский текст такая лексика была добавлена специально, чтобы усилить локальный колорит произведения.

Этой же цели служат и якутские выражения, при помощи которых передается речь персонажей¹⁵. Как правило, это междометия, вводные слова и другие элементы коротких диалогов, которые не несут значимой смысловой нагрузки и человеку, незнакому с языком, могут быть понятны из контекста¹⁶. Как и в ранее приведенных примерах, якутские слова здесь не

13 «Баба Дарья, освободившись от шалей и сняв гарусный *кэсеччик*, притянула Майю к себе» [7, с. 154]; «...нежные якутские блинчики и полные чаши духовитого *юрюмэ...*» [7, с. 156]; «...бабушка угостит дорогого гостя самым вкусным: *керчехом* и *кобёром* с земляничкой...» [7, с. 179]; «Ямщик, который их вез, посоветовал юрту двух бездетных стариков — хорошие, мол, люди, тихие. Один *орон* хозяева уступили жильцам, на другом спали сами» [7, с. 108].

14 «— Черт знает какой у меня невезучий характер, — смущенно жаловался Аласов Майе уже на улице; накинув шаль, она пошла проводить его. — Как у *Мэник Мэнигийээнэ* — хочется лучше, а получается хуже. Шел мириться, а вдобавок еще одного человека обидел...» [7, с. 73].

15 Иноязычные вставки в прямой речи персонажей описаны в исследованиях, посвященных мультязыковому письму. Такие фрагменты, с одной стороны, придают тексту достоверности, а с другой — передают местный колорит [24, с. 63–71; 12, с. 22–35].

16 «Завтра ровно в девять, — говорю. — Как всегда. Чтобы все на уроке были, без опозданий!» Ребята <...> только закричали, как галчата: «*Иэхэй! Придем! Ючюэй!*» [7, с. 124];

эксплицируются и не переводятся. Другой случай — эпизод встречи Левина с его будущей женой. Оба персонажа плохо понимают друг друга, а их диалог — смесь языков. Однако, поскольку от того, найдут ли они взаимопонимание, зависит жизнь Левина, этот эпизод содержит его металингвистическую рефлекссию о том, «как это сказать по-якутски»¹⁷. Здесь часть якутских слов дублируется русскими с тем же значением.

Наконец, еще одну группу якутоязычной лексики образуют именование людей. К ним относятся: обращения, ласковые или ругательные¹⁸; уменьшительно-ласкательные варианты русских имен и их переводы на якутский¹⁹; говорящие имена или фамилии²⁰.

Этнографический колорит романа в русском тексте усиливается за счет того, что имена персонажей, которые в якутской редакции были русскими, сменились, наоборот, на якутские: Надежда Алексеевна стала

«*Сеп-сеп...* Ничего, Майя, говорите. Мы-то вас непременно пойдем» [7, с. 107];

«— *Дорообо*, Надежда Алгысовна! — Надежда Алгысовна, добрый день!» [7, с. 6];

«Тимир Иванович еще раз, теперь уже внимательней, поглядел на нее.

— *Тыйый* Ты что, Наденька? Дома все в порядке?» [7, с. 7];

«— Чего это ты, голубушка, чуть свет? *Эрде* ... Иди спи еще» [7, с. 24].

17 «— Дорогая... хозяйюшка... — униженно забормотал Левин, протягивая к ней руку. — Тетенька, ранен я. Ногу повредил... — Тут он вспомнил кое-какие якутские слова, раньше слышанные. — *Мин ючюгэй!* *Кутанна суох...* не бойся! Мин красный... Мин — *хамначчит!* Коня надо! За мной гонятся бандиты, понимаешь? *Ат* надо...

Слыша слова на родном языке, женщина чуть успокоилась» [7, с. 56, в як. версии — с. 46]. Далее в этом эпизоде девушка тоже говорит на смеси языков: «Ты — *бассабык* <...> *табарыс*. Мой брат в Якутске. Тоже кысыл... красный. Зовут Сэмэнчик. Оторов Сэмэнчик... Не встречал?» [7, с. 58].

18 Аннушка нашему маленькому Сашке показывает: «Смотри, *тоойуом*, какие светлые! [7, с. 122]; «Иди, иди, *чычагым огото*, я здесь сама управлюсь» [7, с. 154]; «Молчи, *хотуйой!* — крикнул Тимир вслед дочери. — Ничего, мы еще поговорим с ней» [7, с. 229]; «Ладوشка у Оксаны была нежная. — Каждый вечер вот так допоздна. *Тойон мой...*» [7, с. 136]; «— Эх ты, *сордоох* ... Человек, укравший жизнь у меня...» [7, с. 230].

19 «...притянула Майю к себе: — Ну-ка, наклони, деточка *Майыстыыр*, головку свою» [7, с. 154];

«Впрочем, Нахов и сам опротестовал заявление жены:

— Нет, *Джебджейчэн!* — свою Евдокию он назвал на якутский манер» [7, с. 155].

20 «Нина Габышева — тоненькая и мечтательная, а Вера, напротив, толстушка-хохотушка. И фамилия у нее подходящая — *Тегюрюкова*» [7, с. 86]. В якутском тексте фамилии нет [8, с. 125 и сл.].

«Позади всех Аласов вел унылого школьного мерина, незаслуженно носящего кличку *Абаасы*» [7, с. 169].

«Смотрите какая! Как белочка, глазенками туда-сюда, и такое имя красивое: Саргылана! Вся жизнь у тебя будет — *Саргы-джаалы*... Хорошенькая какая!» [7, с. 154].

Надеждой Алгысовной (*алгыс*, «благопожелание, молитва»), а ее муж из Ивана Ивановича стал Тимиром Ивановичем (*тимир*, «железо»). Кроме того, имена часто являются «смешанными» и состоят из русского имени и якутского отчества (Надежда Алгысовна, Сергей Эргисович). По мнению В.Б. Окорочковой, это указание на то, что это «новые люди», с якутскими корнями, но новыми судьбами [16, с. 149]. В то же время молодая учительница Сыргылана Тарасовна, которая не знает якутского языка, но хочет вернуться к корням, обладает якутским именем при русском отчестве. Лингвистические особенности речи персонажей и их именованья дополняют сюжетные линии романа.

Якутско-русское единство в сюжете романа

На протяжении всего текста романа проводится идея единства якутского и русского народов. Она реализуется на нескольких уровнях: историческом, биографическом и культурном. На биографическом уровне персонажей единство двух народов реализуется через смешанные браки и общих детей:

...[вошла] в жизнь Левина светлолицая Аннушка, чтобы потом появиться на свет и Сашке, мальчишке русоголовому, но с глазами смоляно-черными и по-якутски узкими» [7, с. 54]; «— У нас тут своя выставка, — сказал Кардашевский с плохо скрываемой гордостью. — Тоже гибрид: волосы по-якутски ежиком, а глаза синие... Ничего себе богатырь? [7, с. 137].

В романе рассматривается несколько исторических периодов: революция и контрреволюция, Вторая мировая война, послевоенное время. О первом периоде мы узнаем благодаря истории Левина — русского солдата, который в этот момент оказывается в Якутии, в составе Красной армии освобождает Якутию от контрреволюционных сил, влюбляется в якутскую девушку и остается здесь навсегда, организовав первую школу в округе: «...скажу как коммунист коммунисту: нигде ты не будешь нужнее людям, чем здесь. Якутия — это жены твоей родина! И сына твоего. Кровь твоя здесь пролита. Товарищи твои в этой земле лежат. Вот что для тебя теперь Якутия!» [7, с. 62]. Тема «большого брата» — русского, который приглаждает за «младшим братом» — якутом, звучит как в масштабе истори-

ческих процессов всей страны²¹, так и на уровне конкретных биографий: так, например, героическая фигура «русского якута» Левина становится объектом воспевания олонхосута — эпического певца.

Связь русского и якутского языков иерархична: русский обеспечивает малым народам связь с мировой культурой, поскольку все значимые литературные произведения переводятся на русский язык:

— Русистка в школе — хозяйка волшебного слова! Ведь что в нашей жизни значит русский язык? Вот взять негра из Африки и нашего чукчу. Или меня, якута. Как нам понять друг друга? Русский язык! Мировая культура вся перед тобой — вот русский перевод с английского, а вот с бразильского... Стихи есть:

Я ко всем наукам ключ имею, Я со всей Вселенною знаком

— Это потому, что я владею Русским всеохватным языком...

Вот так, дорогая Ланочка! Когда вы якутских ребят учите русскому — вы уже их судьбу решаете! [7, с. 55].

Роман изобилует металитературными отсылками: в нем содержится множество цитат из произведений русской литературы, а персонажи сравнивают себя с героями сказок²² или, цитируя стихотворные строки, рассуждают о своей жизни²³. Возможно, это следует рассматривать как специфику повседневной культуры периода оттепели. В этом контексте школьные уроки литературы приобретают значимую роль. Русский язык, а вместе с ним и русская литература играют в романе роль проводника культурных ценностей, предоставляя якутским детям доступ к мировой культуре.

21 «Никто в те дни не почувствовал так остро опасности, нависшей над многострадальной Якутией, как Ленин в далекой Москве» [7, с. 51].

22 Надежда сравнивает себя со старухой из сказки о рыбаке и рыбке», которой все мало [7, с. 141]; Степанида злится на представление о том, что девушка должна быть скромной, как Золушка [7, с. 200].

23 «Занялась заря ее новой жизни. Совсем как в стихах» [7, с. 21]; «Сейчас прозвонит звонок. Сейчас, сейчас... Есть такие стихи: “Трелью медного звонка отзвенела наша юность”» [7, с. 25]; «Она замерзнет здесь, у одинокого дерева, на холодном пне. Как у Некрасова: “А Дарья стояла и стыла в своём заколдованном сне...”» [7, с. 308].

Школа — место встречи культур

Показательно, что почти все учителя, играющие важную роль в сюжете, — это преподаватели гуманитарных дисциплин (Аласов преподает историю СССР, Надежда Алгысовна — русский язык, Саргылана — литературу). Споры о том, как следует жить детям после окончания школы и в чем состоит миссия учителя, тоже происходят между ними.

Роман критикует формальный подход в педагогике в пользу подхода индивидуального и гуманистического. Так, например, Аласов, едва прибыв в школу, завоевывает авторитет в неуправляемом девятом классе благодаря тому, что он сумел разобраться в ситуации и понять, что недовольство школьников связано с несправедливым к ним отношением учителей.

Однако не было смысла отвечать на реплику, вновь заводить педагогическую обработку, выявлять остряка, толковать о чистке коровника, как о деле почетном... Не за этим он шел к десятиклассникам, взрослым людям. Здесь нотация нередко срывается совсем не в том направлении, какого желаешь [7, с. 32–33].

В подробно описанном конфликте между Саргыланой, которая ради эмоционального вовлечения учеников использует более чем сомнительную информацию о «панцире» Дантеса, и завучем школы, справедливо упрекающим ее в «отсебятине», решающую роль также играет Аласов, выступающий против формализма:

— Тимир Иванович, помилосердствуйте, — попытался вступить Аласов. — С панцирем-то как раз получилось хорошо. Ведь какая главная задача урока? Вызвать у ребят активное отношение к социальному злу! И если с точки зрения методики тут можно придаться... [7, с. 183].

Можно утверждать, что возражения против формализма в педагогике — характерная черта культуры оттепели, проявлявшаяся не только в литературе, но и в советском кино этого времени. Л.Ю. Аркус указывает на типичный для этого периода конфликт между двумя педагогами — «либералом» и «консерватором» — в фильме 1961 г. «Друг мой Колька».

Основной конфликт здесь происходит между взрослыми, а не детьми [2]. Похожим образом и в романе Данилова, несмотря на то что все события происходят в школе, персонажи-школьники не играют активной роли в повествовании. Кроме отдельных эпизодов, таких как решение части выпускников школы остаться в колхозе²⁴, мы почти не наблюдаем за их развитием и становлением — они оказываются лишь фоном для споров и разногласий учителей.

Наиболее подробно описаны две ученицы. Первая, Лира, обращает на себя внимание Аласова, поскольку является дочерью Надежды Алгысовны, которая была первой любовью героя, а затем вышла замуж за завуча школы. Девушка поневоле оказывается втянута в конфликты между преподавателями. Другая ученица, Нина, становится причиной его увольнения — и снова невольно. Дневник влюбленной в учителя девушки попадает в руки недоброжелателей и ведет к ложному обвинению Аласова в развращении несовершеннолетней. Роль обеих, скорее, пассивная, они жертвы обстоятельств и внешнего окружения.

Мы не находим в тексте описаний эволюции и личностного роста того или иного ученика, как это происходит в «романах воспитания» или в жанре «школьной повести», также популярной в этот период [4, с. 181]. Все персонажи первого плана — учителя, и между ними проходят основные конфликты, как идеологические, так и личные. Разработанность любовных линий и внимание к подробностям частной жизни героев — еще одна черта оттепельной литературы, присутствующая в тексте. Сентиментальные рассуждения передаются в основном во внутренних монологах женщин, влюбленных в Аласова [16, с. 153, 175].

Дополнительное «измерение» этим конфликтам добавляет тот факт, что главные персонажи романа являются не только учителями школы, но и бывшими одноклассниками, а связывающие их любовные и дружеские отношения берут начало в предвоенном времени. История о женихе Майи Унаровой, отправившегося со школьной скамьи на войну и сразу же убитого, напоминает другой советский фильм этого периода — «Летят журавли»

24 Не случайно, что к решению остаться в колхозе школьники приходят после того, как один из них находит старую газетную заметку 1939 г. об аналогичном решении тогдашних комсомольцев села. Стремление равняться на довоенную молодежь — еще одна черта культуры оттепели [2].

М. Калатозова (1957). В этом случае оказывается, что роман написан о школьниках, однако не о сегодняшних, но о тех, кто учился здесь до войны и затем вернулся сюда уже в новом качестве.

Однако главная роль школы заключается все же в том, что это место столкновения локальной истории с мировой культурой при посредничестве культуры русской. Поэтому персонажами первого плана являются учителя — от Левина, который, не будучи якутом, остался здесь, чтобы заняться образованием местных детей, до Саргыланы, которая выбрала этот же путь спустя пятьдесят лет. Именно они оказываются востребованными героями своего времени, хотя их героизм не ограничивается одним ярким действием, но заключается в тихом и незаметном преодолении повседневных проблем и бытовых трудностей.

Подводя итоги, можно сказать, что формирование и развитие литератур на малых и национальных языках в Советском Союзе опиралось, с одной стороны, на современные тенденции в «большой» русскоязычной литературе, а с другой — на локальные фольклорные тексты. Исследованный нами материал показывает взаимодействие этих элементов в периферийной советской литературе и дополняет существующие представления о том, что представлял соцреалистический канон в его локальных реализациях.

Список литературы

- 1 *Алпатов В.М.* 150 языков и политика: 1917–2000: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+ИВ РАН, 2000. 224 с.
- 2 *Аркус Л.Ю.* Приключения белой вороны: Эволюция «школьного фильма» в советском кино // Сеанс, 2 июня 2010. URL: <http://seance.ru/blog/whitecrow> (дата обращения: 24.09.2019).
- 3 *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. 436 с.
- 4 *Бурдина С.В., Шумилова О.А.* Эволюция жанра школьной повести в русской литературе XX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 2 (34). С. 128–134.
- 5 *Вахтин Н.Б.* Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб.: ДБ, 2001. 337 с.
- 6 *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литератур (на материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М.: Наука, 1964. 311 с.
- 7 *Данилов С.П.* Бьется сердце: роман / пер. с якут. В. Литвинова. М.: Современник, 1971. 351 с.
- 8 *Данилов С.П.* Сүрэх тэбэрин тухары: роман. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996. 682 с. (на якут. яз.).
- 9 *Добренко Е.А.* Политэкономия соцреализма. М.: НЛО, 2007. 585 с.
- 10 *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР (Процессы создания письменностей народов СССР). М.: Наука, 1979. 350 с.
- 11 *Кларк К.* Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2002. 262 с.
- 12 *Литвин Е.А.* Поэт в Саленто больше, чем поэт: о роли литературного творчества в движении за сохранение языка // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2017. Т. 76, № 5. С. 22–35.
- 13 *Мелетинский Е.М.* О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 133 с.
- 14 *Моретти Ф.* Дальнее чтение. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 352 с.
- 15 *Окорокова В.Б.* Наследие Софрона Данилова. URL: http://nu.s-vfu.ru/expert_opinion/nasledie-sofrona-danilova (дата обращения: 24.09.2019).
- 16 *Окорокова В.Б.* Пути и проблемы развития прозы в литературах народов Якутии, жанрово-стилевые процессы: якутская, юкагирская, эвенская, эвенкийская проза XX века: дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2002. 340 с.
- 17 *Полторацкий И.С., Бологова М.А., Дампилова Л.С., Силантьев И.В., Широ-бокова Н.Н.* Литературы коренных народов Сибири в аспекте теоретической и исторической поэтики // Филология и человек. 2014. № 3. С. 57–64.
- 18 *Романова Е.Н., Никифорова В.С.* Эпическое наследие народа саха в XX веке: «советский эксперимент» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 3. С. 114–122.

- 19 Смола К. Постколониальные литературы Севера: автоэтнография и этно-
поэтика // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 429–447.
- 20 Сыромятникова А.С. Кыыс хотун: роман. Ч. 1–2. Якутск: Як. кн. изд-во, 1970.
540 с. (на якут. яз.)
- 21 Сыромятникова А. С. Кыыс-Хотун: роман / пер. с якут. И. Ласкова.
М.: Современник, 1981. 296 с.
- 22 Якутскай Н. Төлкө: роман. Якутск: Як. кн. изд-во, 1973. 776 с. (на якут. яз.)
- 23 Якутский Н. Судьба: роман. М.: Сов. Россия, 1976. 584 с.
- 24 Ala-Risku R. Plurilinguismo e illusione dell'oralità nella narrativa italiana
contemporanea // Ruffino G., Castiglione M. (a cura di). La lingua variabile nei testi
letterari, artistici e funzionali contemporanei. Analisi, interpretazione, traduzione.
Atti del XIII Congresso SILFI Società Internazionale di Linguistica e Filologia Italiana
(Palermo 22–24 settembre 2014). Firenze, 2016. P. 63–71.
- 25 Grenoble L.A. Language Policy in the Soviet Union. Dordrecht: Kluwer Academic
Publishers, 2003. 238 p.
- 26 Haller H.W. The Other Italy: The Literary Canon in Dialect. Toronto: University of
Toronto Press, 1999. 377 p.
- 27 Kirkwood M. (ed.). Language Planning in the Soviet Union. New York: St. Martin's
Press, 1990. 230 p.

References

- 1 Alpatov V.M. *150 iazykov i politika: 1917–2000: Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva* [150 Languages and Politics: 1917–2000: Sociolinguistic Problems of the USSR and Post-Soviet Space]. Moscow, Kraft+ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science Publ., 2000. 224 p. (In Russ.)
- 2 Arkus L.Iu. Priklucheniia beloi vorony: Evoliutsiia “shkol'nogo fil'ma” v sovetskom kino [The Adventures of the White Crow: The Evolution of the “School Film” in Soviet Cinema]. *Seans* [Session], June 2. 2010. Available at: <http://seance.ru/blog/whitecrow> (Accessed 24 September 2019). (In Russ.)
- 3 Belikov V.I., Krysin L.P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, RSUH Publ., 2001. 436 p. (In Russ.)
- 4 Burdina S.V., Shumilova O.A. Evoliutsiia zhanra shkol'noi povesti v russkoi literature XX veka [The Evolution of the School Story Genre in Russian Literature of the 20th Century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, 2016, no 2 (34), pp. 128–134. (In Russ.)
- 5 Vakhtin N.B. *Iazyki narodov Severa v XX veke: Ocherki iazykovogo sdviga* [Languages of the Peoples of the North in the 20th Century: Essays on the Language Shift]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001. 337 p. (In Russ.)
- 6 Gachev G.D. *Uskorennoe razvitie literatur (na materiale bolgarskoi literatury pervoi poloviny XIX v.)* [The Accelerated Development of Literature (Based on the Material of Bulgarian Literature of the First Half of the 19th Century)]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 311 p. (In Russ.)
- 7 Danilov S.P. *B'etsia serdtse: roman* [While the Heart is Beating: Novel], transl. by V. Litvinov. Moscow, Sovremennik Publ., 1971. 351 p. (In Russ.)
- 8 Danilov S.P. *Surekh teberin tukhary: roman* [While the Heart is Beating: novel]. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat Publ., 1996. 682 p. (In Yakut)
- 9 Dobrenko E.A. *Politekonomiia sotsrealizma* [Political Economy of Socialist Realism]. Moscow, NLO Publ., 2007. 585 p. (In Russ.)
- 10 Isaev M.I. *Iazykovoe stroitel'stvo v SSSR (Protsessy sozdaniia pis'mennostei narodov SSSR)* [Language Construction in the USSR (Processes of Creating Written Languages of the Peoples of the USSR)]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 350 p. (In Russ.)
- 11 Klark K. *Sovetskii roman: istoriia kak ritual* [Soviet Novel: History as a Ritual]. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2002. 262 p. (In Russ.)
- 12 Litvin E.A. Poet v Salento bol'she, chem poet: o roli literaturnogo tvorchestva v dvizhenii za sokhranenie iazyka [A Poet in Salento is More than a Poet: on the Role of Literary Creativity in the Movement to Preserve the Language]. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, 2017, vol. 76, no 5, pp. 22–35. (In Russ.)
- 13 Meletinskii E.M. *O literaturnykh arkhetyпах* [About the Literary Archetypes]. Moscow, RSUH Publ., 1994. 133 p. (In Russ.)

- 14 Moretti F. *Dal'nee chtenie* [Further Reading]. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2016. 352 p. (In Russ.)
- 15 Okorokova V.B. *Nasledie Sofrona Danilova* [The Legacy of Sofron Danilov]. Available at: http://nu.s-vfu.ru/expert_opinion/nasledie-sofrona-danilova (Accessed 24 September 2019). (In Russ.)
- 16 Okorokova V.B. *Puti i problemy razvitiia prozy v literaturakh narodov Iakutii, zhanrovo-stilevye protsessy: iakutskaiia, iukagirskaiia, evenskaia, evenkiiskaia proza XX veka* [Ways and Problems of Prose Development in the Literatures of the Peoples of Yakutia, Genre-Style Processes: Yakut, Yukagir, Even, Evenki Prose of the 20th Century: PhD thesis]. Iakutsk, 2002. 340 p. (In Russ.)
- 17 Poltoratskii I.S., Bologova M.A., Dampilova L.S., Silant'ev I.V., Shirobokova N.N. *Literaturny korennykh narodov Sibiri v aspekte teoreticheskoi i istoricheskoi poetiki* [Literature of the Indigenous Peoples of Siberia in the Aspect of Theoretical and Historical Poetics]. *Filologiya i chelovek*, 2014, no 3, pp. 57–64. (In Russ.)
- 18 Romanova E.N., Nikiforova V.S. *Epicheskoe nasledie naroda sakha v XX veke: "sovetskii eksperiment"* [Epic Heritage of the Sakha People in the 20th Century: "Soviet Experiment"]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya*, 2013, vol. 12, issue 3, pp.114–122. (In Russ.)
- 19 Smola K. *Postkolonial'nye literaturny Severa: avtoetnografiia i etnopoetika* [Postcolonial Literature of the North: Auto-Ethnography and Ethno-Poetics]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no 2, pp. 429–447. (In Russ.)
- 20 Syromiatnikova A.S. *Kyys khotun: roman* [Kyys Khotun: Novel]. Parts 1–2. Iakutsk, Yakutskoe Knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1970. 540 p. (In Yakut)
- 21 Syromiatnikova A.S. *Kyys-Khotun: roman* [Kyys-Khotun: Novel], transl. by I. Laskov. Moscow, Sovremennik Publ., 1981. 296 p. (In Russ.)
- 22 Iakutskai N. *Telke: roman* [Predestination: Novel]. Iakutsk, Yakutskoe Knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1973. 776 p. (In Yakut)
- 23 Iakutskii N. *Sud'ba: roman* [Predestination: Novel]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1976. 584 p. (In Russ.)
- 24 Ala-Risku R. *Plurilinguismo e illusione dell'oralità nella narrativa italiana contemporanea*. Ruffino G., Castiglione M. (a cura di). *La lingua variabile nei testi letterari, artistici e funzionali contemporanei. Analisi, interpretazione, traduzione. Atti del XIII Congresso SILFI Società Internazionale di Linguistica e Filologia Italiana (Palermo 22–24 settembre 2014)*. Firenze, 2016, pp. 63–71. (In Italian)
- 25 Grenoble L.A. *Language Policy in the Soviet Union*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 2003. 238 p. (In English)
- 26 Haller H.W. *The Other Italy: The Literary Canon in Dialect*. Toronto, University of Toronto Press, 1999. 377 p. (In English)
- 27 Kirkwood M. (ed). *Language Planning in the Soviet Union*. New York, St. Martin's Press, 1990. 230 p. (In English)